

Гарри Каспаров

Моральный кодекс переходного периода

Недавно опубликованное письмо Ходорковского по смыслу адресовано всему гражданскому обществу, но комментируют его в первую очередь либералы, которые восприняли этот текст близко к сердцу. У многих он вызвал реакцию непонимания: с грустью, с оттенком сожаления говорят они о том, что, конечно, в тюрьме люди обращаются к вере и ищут спасения, утешения в таком вот морализировании.

По-моему, текст Ходорковского не нуждается в сочувственных комментариях. Михаил Борисович говорит о вполне конкретных и актуальных вопросах российской политики. Справедливо полагая, что истоки нынешнего положения дел следует искать в начале 90-х гг., он приходит к выводу, что одной из ключевых проблем сегодня является эрозия гражданской этики. Во многом нынешнюю тупиковую ситуацию породило почти полное отсутствие в политике моральных принципов. Сегодня, как никогда ранее, принято считать, что политика – дело циничное и грязное, что морали и принципов в политике не бывает и быть не может.

Но, как мы знаем, в переломные моменты истории особенно требуется четкая нравственная позиция. Люди очень остро ощущают фальшь и неискренность. Те, кого не устраивает статус-кво, те, кто готов последовать за новыми идеями, – нуждаются в ярких и несомненных ориентирах. Именно этот аспект в рассуждениях Ходорковского мне кажется актуальным.

Сегодня речь идет о формировании новой политической повестки. На мой взгляд, политическое пространство, созданное на основе конституции 1993 года - по итогам борьбы за власть в 1990-93 гг., переживает коллапс и 2 декабря официально прекратит свое существование. (См. по этому поводу статью "Беспартийная система") Активное вовлечение Путина в думскую кампанию (пусть даже его участие будет носить номинальный характер) лишает всякого смысла ельцинскую конституцию, которая делала президента де-факто и де-юре отцом нации.

В этот переходный момент общество требует от политиков новых качеств и, прежде всего, четкого следования принципам, по которым затем будут формироваться новые политические структуры. Такое положение дел характерно для любого переходного периода. Например, для Англии середины XIX века, с ее уже довольно зрелой на тот момент демократией. И консервативная партия, и их либеральные оппоненты переживали тогда массу трансформаций. Почти на протяжении нескольких десятков лет по разным вопросам создавались разные коалиции, в партиях происходили расколы и объединения, – и в итоге получилась та конструкция, которая удовлетворяла уже значительное число потенциальных избирателей, сторонников данного направления. Вокруг этого начала выстраивалась устойчивая политическая система.

Понятно, что те российские политические группы, которые составляли опору партий в 90-е гг., сегодня размыты. Эти границы пролегают совсем в других местах, поэтому сегодня для четкой идентификации требуется прежде всего последовательная и принципиальная позиция – от представителей как левых, так и правых партий. Процесс формирования новых политических структур абсолютно неизбежен, однако общественный спрос на них пока не удовлетворен. Вероятно, он еще даже не до конца не сформирован, он направлен в будущее, а предложение на политическом рынке, по большому счету, протухло, и слишком сильно отдает 90-ми годами. Но отличие сегодняшней российской ситуации от Англии середины XIX века в том, что у нас идет борьба не в рамках демократического устройства. Становление викторианской системы требовало новых принципиальных установок, но вовсе не покушалась на саму идею

выборов. Напротив, избирательная система развивалась в направлении всеобщего и равного избирательного права. Парадоксальным образом Россия XXI века движется вспять, по пути ограничения избирательных прав своих граждан.

Режим Путина стремится к ликвидации реального демократического процесса и к превращению его в красивую декорацию. В этой ситуации важно различать тех, кто хочет настоящих перемен, и тех, кто пытается найти способы усовершенствовать нынешнюю конструкцию, уже антидемократическую и потому нежизнеспособную. Важным критерием здесь является моральный фактор. Любое отступление на йоту от моральных принципов немедленно будет обнажать слабость и непоследовательность оппозиции и не позволит получить достаточную поддержку людей.

В этом контексте, кстати, становится очевидно, что старые разговоры об объединении "Яблока" и СПС, на которые было потрачено столько времени, были с самого начала бессмысленны. "Демократическая общественность" хотела видеть значительную демократическую фракцию в российском парламенте, игнорируя тот факт, что СПС и "Яблоко" представляли разные устремления социальных групп в российском обществе. Их, конечно, объединяла приверженность либеральной демократии, но в тот момент не было непосредственной угрозы этой демократии, поэтому прямого запроса на немедленное объединение не было. Сейчас ситуация изменилась кардинально – обществу не нужны партии, которые отличаются по принципам, уже канувшим в Лету (или, наоборот, по принципам, которые станут актуальны через некоторое время, когда нормально будет работать демократический процесс). В игру должна вступить новая сила, основанная на более широкой демократической конструкции. Она тоже может оказаться временной, потому что в случае нашего успеха и появления в стране нормальных демократических выборов, процесс деления и размежевания возобновится. Пока система не станет устойчивой, политические конструкции, которые являются частью этой системы, тоже будут претерпевать изменения. Нечто подобное будет проходить и на левом фланге. КППРФ имеет больше устойчивости, чем политические партии 90-х гг., за счет того, что ее базовая поддержка сформировалась гораздо раньше, задолго до 1993 г. Тем не менее, очевидно, что этот политический цикл является для Зюганова последним, а для КППРФ в ее нынешнем виде неизбежны серьезные изменения. Только если коммунисты сумеют создать на левом фланге самостоятельную, а не искусственную кремлевскую конструкцию, они смогут с уверенностью смотреть в будущее, быть частью нормального политического процесса.

Подводя здесь черту, можно сказать, что письмо Ходорковского появилось очень вовремя, потому что он заострил внимание на проблемах, которые либералы, отвечавшие Ходорковскому, не считают важными. Они явно разделяют мораль и принципы современной политики. Но прав именно Ходорковский: без моральной и принципиальной оценки того, что происходило в 90-е гг., очень сложно реабилитировать саму идею демократии. Идеи демократии и свободного рынка, за которые так ратовали либералы и которые являлись сутью ельцинских реформ, оказались дискредитированы, потому что они применялись, как бездушные математические схемы, без учета реальных интересов миллионов и миллионов российских граждан.

Оригинал текста - <http://www.kasparov.ru/material.php?id=470D3959D4810>